

Koussevitzky's fifth symphonic concert (December 18) featured Glazunov's Seventh Symphony, excerpts from Stravinsky's "Petrushka," and Rachmaninoff's Third Concerto in the composer's own interpretation. It seems to me that this Glazunov symphony is difficult to love and revel in because of the self-satisfied mastery with which it is filled. It is a bacchanalia of rationality and artificiality, capable of intriguing and pleasing when properly examined, but incapable of enchanting anyone who seeks ideological or emotional content in music. Even in the odd parts Glazunov managed to find a balance between truthfulness and mastery, and then begins the realm of what one would like to define by the term "over-complicatedness." "Petrushka" still sparkled with a rainbow of amusing musical lights, but, as one might expect, it only played poorly at the second meeting. Moreover, Mr. Koussevitzky played it weaker this time and did not show us all that Stravinsky's score offers. However, the accompaniment of his soloist, Rachmaninoff, was truly beyond praise, although accompanying the Third Concerto by this composer is quite difficult. And this masterful accompaniment was even more pleasing because Rachmaninoff played wonderfully, masterfully, and with inspiration. But still, I would like to hear this most difficult and longest concerto in a different interpretation: only then would the true specific weight of this work become clear - the specific weight today, I think, is excessively high because of the supernaturally wonderful interpretation of the author. [...] Gr. Prokofiev

[Translation: Google]

V симфон. концерт Кусевицкого (18 декабря) далъ VII симфонію Глазунова, отрывки изъ «Петрушки» Стравинскаго и III концертъ Рахманинова въ авторской интерпретаціи. Мнѣ представляется, что эту глазуновскую симфонію трудно любить и упиваться ею изъ-за самодовлѣющаго мастерства, которымъ она полна. Это-вакханалія разсудочности и на-думанности, способной интересоваться и нравиться при правильномъ разглядываніи, но неспособной чаровать того, кто ищетъ въ музыкѣ идейнаго или эмоціональнаго содержанія. Еще въ нечетныхъ частяхъ Глазунову удалось нащупать равновѣсіе правдивости съ мастерствомъ, а дальше начинается область того, что хочется опредѣлить терминомъ «пе-ремудрилъ». «Петрушка» по-прежнему сверкнула радугой потѣшно-музыкальныхъ огней, но, какъ и слѣдовало ожидать лишь про-игралъ при повторной встрѣчѣ. Къ тому же г. Кусевицкій и сыгралъ его на этотъ разъ слабѣе и далеко не показалъ намъ всего того, что даетъ партитура Стравинскаго. За то аккомпаниментъ его солисту Рахманинову былъ прямо выше похвалъ, хотя аккомпани-ровать 3-й концертъ этого автора весьма не-легко. И тѣмъ пріятнѣе былъ этотъ мастер-ской аккомпаниментъ, что Рахманиновъ игралъ чудесно, мастерски и вдохновенно. А все-таки хотѣлось бы услышать этотъ труднѣйшій и длиннѣйшій концертъ и въ иной интерпре-таціи: только тогда выяснился бы подлинный удѣльный вѣсъ этого произведенія, — удѣль-ный вѣсъ нынѣ, думается, чрезмѣрно высокій изъ-за сверхъестественно чудесной интерпре-таціи автора